

Притчевые интенции «Повести об Андрее Критском»

Давно замечено, что эдипов сюжет представлен в истории мировой культуры не только обработками сурового фаталистического мифа античной древности, давшего ему название¹. В христианских культурах Востока и Запада учеными обнаружены многочисленные легенды, в которых истории героев-кровосмесителей с другими именами трактуются в духе учения о грехе, покаянии и искуплении, что придает им притчевое измерение. В древнерусской литературе такая модификация эдипова сюжета представлена группой повестей о кровосмесителе², включающей повести о папе Григории и Андрее Критском и апокрифическое Сказание Иеронима о Иуде Предателе. Все они популярны в рукописных сборниках XVII–XIX вв., сохранились в многочисленных списках, редакциях и вариантах и были активно восприняты восточнославянским фольклором.

«Повесть об Андрее Критском» занимает в этом ряду особое место. Если другие произведения группы до прихода на Русь уже имели продолжительную литературную традицию, то история Андрея-кровосмесителя известна только восточным славянам не ранее XVI в. Большинство дореволюционных исследователей считали источником древнерусского текста «Повести» недошедший византийский оригинал и его пересказ на славянском Юге (Н.И. Костомаров, А.Н. Веселовский).

¹ Пик литературной популярности мифа явно приходится на период античности. Из числа его позднейших переработок наиболее известны произведения П. Корнеля, Вольтера, П.Б. Шелли, Г. фон Гофманстала и Ж. Кокто, а также трагедия русского драматурга В.А. Озерова «Эдип в Афинах». Оживление интереса к истории Эдипа в XX в. явно связано с ее психоаналитическим «изводом». О русских обработках сюжета см.: Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Вып. 3, ч. 2 / Отв. ред. Е.К. Ромодановская; авт.-сост. М.А. Бологова. Новосибирск, 2009. С. 211–216; *Мирза Е.А.* Сюжет об Эдипе в дискурсах русской литературы 2000-х годов (С. Богданова, Б. Волков, Н. Андреев): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013.

² Первое знакомство древнерусских книжников с историей Эдипа могло произойти еще в домонгольский период по фрагменту Хроники Иоанна Малалы, включаемой в состав различных хронологических компиляций. (см.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 19–20). Однако этот грубоватый пересказ византийского хрониста, весьма далекий от привычного для нас изложения мифа, популярности в древнерусской рукописной традиции не получил.

ловский, М.П. Драгоманов и др.)³. Н.К. Гудзий, напротив, аргументированно доказывал возможность возникновения этого произведения на русской почве⁴. Текстологический анализ сохранившихся списков «Повести», а также комплексный подход к решению вопроса об ее происхождении⁵ подтвердили правоту гипотезы Н.К. Гудзиев, высказанной почти столетие тому назад. По нашему мнению, «Повесть об Андрее Критском» была создана русским книжником в конце XVI в. в результате переосмысления сюжетной схемы Сказания Иеронима об Иуде Предателе, осложненной мотивами и «Папы Григория», и легенд о разбойниках.

«Повесть об Андрее Критском» имеет и еще одно важное отличие. Если заглавными героями других повестей о кровосмесителе стали легендарный Иуда Искариот и некий неопределенный «папа Григорий»⁶, то Андрей, архиепископ Критский, — реальное историческое лицо, византийский церковный писатель VII–VIII вв., причисленный к лику святых православной церкви (день памяти 4 июля). Но его каноническое житие ничем не напоминает историю Эдипа. Рожденный «от благочестивых богобоязненных родителей града Дамаска», герой Жития рано принял постриг и долгие годы был монахом в Иерусалиме и Константинополе, соединяя иноческое служение с литературным творчеством. Участвовал в заседаниях VI Вселенского собора, на который привез свой знаменитый Покаянный канон. Архиепископом острова Крит св. Андрей стал в конце жизни; по свидетельству Жития

³ Библиографию изданий и исследований Повести см.: *Климова М.Н.* Повесть о Андрее Критском // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 213–214.

⁴ *Гудзий Н.К.* К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // *Русский филологический вестник.* 1915. № 1. С. 3–33.

⁵ *Климова М.Н.* Повесть об Андрее Критском. (Проблемы текстологии и литературной истории): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.

⁶ Из многочисленных понтификов, носивших имя Григорий, на роль героя повести предлагались: в католической традиции — папа Григорий VII (Гильдебранд), в православной — автор знаменитых «Диалогов» папа Григорий I. Краткая редакция древнерусского текста «Повести» нередко приурочивается ко дню его памяти (12 марта). Т. Манн также отнес действие своего романа «Избранник» - художественной обработки легенды о кровосмесителе, ставшем после покаяния римским папой, — к V в., времени жизни Григория I.

его молитва защищала островитян от набегов иноверцев и стихийных бедствий⁷.

Андрей Критский, герой одноименной повести, являет этому смиренному иноку-писателю самый разительный контраст. Купеческий сын из мифического «града Крита», он в младенчестве был отдан на волю волн своими родителями, хотевшими избежать исполнения грозного пророчества о его судьбе, и воспитан в женском монастыре, откуда, повзрослев, был изгнан за совращение его обитательниц. Придя в Крит, он нанялся сторожем в дом своего отца, которого вскоре убил, приняв за вора, после чего женился на его вдове. Когда тайна его происхождения открылась, Андрей поочередно обращался за помощью к трем иереям, но в гневе убил и их за отказ в прощении. Лишь критский епископ, прозорливо угадавший в ожесточенном преступнике «избранный сосуд Богу», нашел подобающую епитимью для супругов-кровосмесителей. По его приказу Андрея заточили в глубокий погреб, где он и сочинил свой Великий канон, а его матери-жене в ноздри был продет замок, ключ от которого бросили в море. Через тридцать лет этот ключ нашли в брюхе рыбы, что означало прощение грешников. Придя к Андрею «со всем собором», епископ нашел его «поверх земли погреба того» дописывающим канон, прочитанный затем епископом в церкви. Прощенные грешники приняли монашеский постриг; после смерти епископа Андрей тридцать лет был духовным пастырем «града Крита».

Как можно заметить, единственным связующим звеном двух биографий Андрея Критского оказывается его знаменитое творение, Великий (Покаянный) канон. Более того, именно он дает ключ к пониманию смысла апокрифической повести об авторе, поскольку этому причудливому рассказу явно отведена роль легендарной предыстории канона. Обратимся же к этому литургическому произведению, ныне неотъемлемой части великопостной православной службы⁸.

Вначале о двойном названии канона. Эпитет «великий», призванный подчеркнуть необычный размер этого произведения (оно состоит из 250 тропарей, тогда как в других канонах их не более 30–40), с те-

⁷ См.: *Белоброва О.А.* Андрей Критский в древнерусской литературе и искусстве // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 206–220.

⁸ На протяжении Великого поста текст канона используется в церковной службе пятикратно: с понедельника по четверг первой недели в храме читают выборки из всех его девяти песен, организованные по определенному смысловому рисунку, в четверг пятой недели канон исполняется на Всенощной службе целиком.

чением времени стал восприниматься как оценочный⁹. Второе определение, «покаянный», подчеркивает главную тему канона, отразившего переживания автора во время Великого константинопольского землетрясения 790 г.¹⁰ и ставшего затем образцом для различных текстов покаянной тематики¹¹.

Содержание канона — вопль души безымянного грешника, из бездн порока взывающего к Богу с мольбой о спасении. Важная особенность этого текста состоит в том, что свои переживания его герой описывает с помощью цепочки библейских образов, как бы примеряя к себе деяния древних злодеев и праведников. Неведомый нам автор «Повести об Андрее Критском» так описал это процесс: «Андрей же пребысть в погребѣ, моляся Богу о своем согрешении, приводя к своей душе многие притчи и сложи канон, иже поется в четверток пятой недели Великого поста»¹². В результате судьба героя канона предстает как многовековая история человечества (в ее церковном понимании — от Адама до Христа), эгоцентрически сжатая до пределов одной заблудшей человеческой души. Но, «добре и хитростно»¹³ сплетая притчи Ветхого и Нового Завета в причудливый орнамент, автор канона нигде их не пересказывает, ограничиваясь лишь кратким намеком на то или иное библейское событие. С.С. Аверинцев писал: «Андрея Критского не интересует повествование, его интересует „мораль“. Весь „Великий канон“ — как бы свод „моралей“ к десяткам отсутст-

⁹ См., напр., высказывание Филарета Черниговского: «Великий канон велик не только по числу стихов, но и по внутреннему достоинству, высоте мысли, по глубоким чувствам и силе выражения» (цит. по: *Пономарев А.* Андрей, архиепископ Критский // Православная богословская энциклопедия. Т. 1. СПб., 1900. Стб. 768).

¹⁰ С этим событием церковная традиция связывает первое исполнение канона на пятой неделе Великого поста. См.: *Кириллин В.М.* Великий покаянный канон св. Андрея Критского по древнерусской рукописи первой половины XIV в. // Герменевтика древнерусской литературы: Сб. ст. Вып. 10. М., 2000. С. 197.

¹¹ См.: *Климова М.Н.* Великий канон Андрея Критского и древнерусская литература: К постановке проблемы // От Средневековья к Новому времени: Сб. ст. в честь О.А. Белобровой. М., 2006. С. 59–66.

¹² Б-ка МГУ, 2Ес87, л. 177об–178. «Буслаевский список» повести, по которому обычно приводится ее текст (РНБ, 0.XVII/57), как и во многих других случаях, дает особое чтение: «...приводя душу свою во многие притчи» (л. 44 об.).

¹³ Выражение из биографической справки о св. Андрее, вставленной в текст Великого канона.

вующих в нем „басен“. Конкретность „священной истории“ перестает быть символом и становится не более как иносказанием»¹⁴.

Содержание канона было явно рассчитано на предельно обобщенное истолкование: «первое лицо» в этом случае подразумевало «человека вообще», грешного пред Богом уже в силу своей земной природы. Весь канон целиком как бы одна огромная метафора-символ взыскующей к небу грешной человеческой души, что подчеркивается его общим рефреном, заимствованным из знаменитого 56-го псалма: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Но полному абстрагированию смысла канона мешали его эмоциональная напряженность и интимность интонаций, что позволяло слушателям почувствовать себя участниками этого грандиозного покаяния¹⁵. Для нас же важно то, что сложный для устного восприятия и пространный текст Великого канона допускал еще одно, не предвиденное св. Андреем, но неизбежно встающее в воображении части его слушателей толкование — перед нами исповедь конкретного человека, а именно его автора¹⁶.

Используя библейский эпизод для создания метафоры-символа (это излюбленный прием св. Андрея), создатель канона нередко своеобразно переосмысляет и сам этот эпизод¹⁷. Так, непочтительный сын Ноя Хам под пером византийского лимниграфа превращается в «отце-

¹⁴ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 103.

¹⁵ Примером личностного восприятия этого богослужебного текста может служить вплетение образов Великого канона во вступительную часть завещания царя Ивана Грозного. См.: *Климова М.Н.* Великий канон Андрей Критского и древнерусская литература. С. 61–63.

¹⁶ Даже современная церковная исследовательница творчества Критского архиепископа увидела в Великом каноне его «духовную автобиографию», по которой можно прочесть особенности его души и неповторимую индивидуальность. См.: *Игнатия, монахиня.* Гимнографическое творчество преподобного Андрея Критского // Богословские труды Московской патриархии. Сб. 25. М., 1984. С. 263.

¹⁷ Переводчики Великого канона на современный русский язык поэтому, как правило, вынуждены жертвовать его образами для сохранения заключенного в них смысла, отчего текст в значительной мере утрачивает в переводе присущую ему поэтичность и своеобразную мрачную красоту. См., напр.: *Извольский С.* Песни покаянные или Великий канон Андрея Критского с приложением жизнеописаний угодников Божиих Андрея Критского и Марии Египетской в стихах. М., 1871.

убийцу»¹⁸, а преступления грешной души, восстающей на Бога-Отца, сравниваются с деяниями ветхозаветных кровосмесителей Рувима и Авессалома (15, 47). К тому же славянский перевод канона нередко передает сложные риторические периоды оригинала пословно, грешит буквализмами и даже ошибками¹⁹, что только усиливает возможность произвольного истолкования этого текста. Например, из-за пословного перевода греческого текста слушатели-славяне узнавали о еще одном библейском «отцеубийце» — на слух им казалось, что это юный Саул, потерявший ослиц отца: «Саул иногда яко погуби отца своего, душе, ослята...» (20).

Для рядового слушателя канона, не искушенного в ораторских приемах автора и слабо ориентирующегося в библейских текстах, такие образы звучали загадочно и зловеще, невольно стимулируя воображение. Д.С. Лихачев, рассуждая о закономерностях бытования метафор-символов в древнерусском искусстве, писал о таких случаях: «Материально-понятый символ рождал новый миф»²⁰. Таким мифом, порожденным вырванными из общего контекста образами Великого канона, и стала новая «биография» Андрея Критского — повесть о «христианском Эдипе».

Нам уже приходилось отмечать образы Великого канона, вплетенные в словесную ткань апокрифической биографии его автора²¹. Хотя первоисточником этих образов была Библия, характер их использования в тексте «Повести» неопровержимо свидетельствует об их прохождении через третьи руки. Например, эдипов грех был приписан св. Андрею из-за самосравнений героя канона с Хамом, Саулом, Рувимом и Авессаломом. Однако библейские Хам и Саул отцеубийства не совершали, да и упомянутые в каноне осквернители отцовского ложа на своих матерях не женились.

Далее мы попытаемся проследить отражения библейской притчи в тексте Великого канона и в зависимой от него апокрифической «По-

¹⁸ Канон великий: Творение преподобного Андрея Критского. М., 2002. С. 36. В дальнейшем ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

¹⁹ Так, благочестивая жительница города Сономы («сонамитянка»), почтившая пророка Елисея, в славянском переводе канона стала мужчиной — «Соманитидом праведным» (24).

²⁰ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 167.

²¹ Климова М.Н. Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 107–117.

вести» на примере одного из самых известных образцов этого жанра, Иисусовой притчи о милосердном самарянине (Лк. 10: 25–37). Приведем текст этой притчи на церковнославянском языке и в русском синодальном переводе²².

25. И се законник некий воста, искушая Его и глаголя: Учителю! что сотворив, живот вечный наследую?

26. Он же рече к нему: в законе что писано есть, то чтеши?

27. Он же отвещав рече: «возлюби Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея души твоея, и всю крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближнего своего яко сам себе».

28. Рече же ему: право отвещал еси. Сие сотвори и жив будеши.

29. Он же, хотя опрадатися сам, рече к Нему: кто есть ближний мой?

30. Отвещав же Иисус рече: человек некий сходяще от Иерусалима во Иерихон и в разбойники впаде, иже совлекше его и язвы возложше, отидоша, оставльше едва жива суще.

31. По случаю же священник некий сходяще путем тем и, видев его, мимоиде.

32. Такжеже же и левит быв на том месте, пришед и видев, мимоиде.

25. И вот один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

26. Он же сказал ему: в законе что написано? Как читаешь?

27. Он же сказал в ответ: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всю крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего как самого себя» (Вт. 6: 5; Лев. 19: 18)

28. Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить.

29. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?

30. На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили и ушли, оставив едва живым.

31. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

32. Также и левит, быв в том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

²² Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на славянском и русском языках. [М., 1990]. С. 278–280. (Переизд. книги: Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие... 74-е изд. СПб., 1911). Церковнославянский текст передается по правилам ТОДРЛ.

33. Самарянин же некто грядый, прииде на него и видев его, милосердова,

34. и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино, всадив же его на свой скот, приведе его в гостиницу и прилежа ему,

35. и наутрия изшед, и взял два сребренника, даде гостиннику и рече ему: прилежи ему, и еже аще прииждеваеши, аз, егда возвращуся, воздам ти.

36. Кто убо от тех триех ближний мнит ти ся быти блудящему в разбойники?

37. Он же рече: сотворивый милость с ним. Рече же ему Иисус: иди и ты, твори такожде.

33. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, видев его, сжалился,

34. и, подошедши, перевязал ему раны, возливая масло и вино, и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем;

35. а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если что удержишь более, я, когда возвращуся, отдам тебе.

36. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближним попавшемуся разбойникам?

37. Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.

На первый взгляд, эта образцовая в своем роде притча²³, подобно другому известному фрагменту Евангелия от Луки: притче о мытаре и фарисее (Лк. 18: 9–14), — не нуждается в аллегорическом истолковании. Революционный смысл этики Благой Вести, принесенной в мир Христом, раскрыт в ней непосредственно и очень наглядно. На простом житейском примере Учитель, не оспаривая нравственных требований Закона Моисея, в чем пытался уличить Его собеседник, побуждает этого собеседника пересмотреть свои представления о нормах взаимоотношений между людьми. Нагой и израненный путник, брошенный разбойниками умирать на иерихонской дороге, — это «человек вообще», он вырван из всех привычных общественных связей, стал чужим для всех²⁴. Но притча Христа напоминает о присутствии в

²³ В строгой лаконичности Иисусовой притчи важна каждая деталь. Например, указание точного маршрута незадачливого путника объясняет и подготавливает появление в рассказе персонажа-самарянина. Одновременно эта деталь служит средством характеристики и самого путника: дорога из Иерусалима в Иерихон считалась столь опасной (ее даже называли «красная» или «кровавая»), что пуститься по ней в одиночку мог только неразумный или легкомысленный человек.

²⁴ С этим, возможно, связано черствое отношение к нему священника и левита, привычно видевших «ближних» только в родственниках или еди-

мире могучей силы, заставляющей человека забывать о разделяющих людей перегородках, и имя этой силы Любовь. То, что в притче проводником Любви выступает презренный в глазах иудеев самарянин, призвано подчеркнуть универсальность действия ее закона. Следование этому закону в поступках милосердного чужака-самарянина столь неоспоримо, что, в свою очередь, заставляет слушателя притчи увидеть «ближнего» в этом, казалось бы, потенциальном враге. Наконец, итоговый вывод Учителя превращает этот одобренный его собеседником поступок не только в пример для подражания, но и в этический постулат и залог личного спасения души. Такое очевидное, лежащее на поверхности истолкование притчи можно найти у многих проповедников: например, у архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)²⁵ или у о. Иоанна Крестьянкина²⁶.

Однако некоторые детали этого евангельского рассказа побуждают нас увидеть в нем иносказание, аллегорическое изображение взаимоотношений человека с христианским Богом. В пользу этого толкования говорит, например, то, что телесные болезни и душевные пороки человека в библейской традиции неразрывно связаны и душевные недуги нередко уподобляются недугам телесным²⁷, а святой город Иерусалим в ветхозаветных текстах традиционно противопоставлен городу греха Иерихону. Приняв милосердного самарянина за аллегорическое изображение самого Христа, мы обнаружим, что контраст его активной доброты с бездействием представителей иудейского Закона (священника и левита) очень точно, хотя и иносказательно, обозначает

новерцах. Впрочем, их равнодушная жестокость может объясняться также некоторыми ритуальными ограничениями (священник, смотревший на пострадавшего от разбойников издали, мог принять его за мертвеца, прикосновение к которому потребовало бы от него последующих обрядов очищения) или нежеланием лишиться хлопот (поведение левита).

²⁵ Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Неделя 25: Притча о милосердном самарянине // Азбука веры. Проповеди. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenskij/propovedi_1_31.shtml. Дата обращения 25.08. 2013.

²⁶ Крестьянкин И., архимандрит. Слово на притчу о милосердном самарянине // Православие и мир. [Электронный ресурс]. URL: http://pravmir.ru/stat-content/sc_printer_1495.html. Дата обращения 14.08.2013.

²⁷ Взаимосвязь телесного и душевного здоровья человека многократно отражена в образах Великого канона, вдохновивших, в свою очередь, царя Ивана Грозного на вступительную часть его завещания, исполненную, несмотря на книжный источник, искренности и трагической силы. См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 426.

принципиальное отличие этики Нового Завета от предшествующей традиции. Ведь Закон Моисея был изначально адресован законопослушным людям, но не мог помочь нарушившим его (в глазах правоверных иудеев бедственное положение путника — знак его «богооставленности» и, следовательно, он сам виноват в своем несчастье)²⁸. Благая Весть Иисуса, напротив, принесена в мир залогом возможного спасения «заблудших овец стада Израилева» и любого грешника, она явлена свыше как свидетельство безграничности Божьего милосердия к человеческому несовершенству, требующего взамен лишь искреннего раскаяния оступившегося. Символическое значение приобретают в таком контексте и упомянутые в притче масло и вино. По всей видимости, эти сакральные в иудаизме вещества были приготовлены самарянином для ритуального жертвоприношения, но без колебания использованы им для спасения чужой жизни. Одобрение этого поступка Учителем подтверждает истинность прозрений некоторых ветхозаветных пророков о том, что наиболее угодная Богу жертва — доброе сердце и дела милосердия. Наконец, толкование образа путника как «грешника вообще» лишает конкретности и напавших на него разбойников, превращающихся в олицетворение искушающих человека злых духов или терзающих его греховных страстей²⁹.

Обращения св. Андрея Критского к этой знаменитой притче сосредоточены в первой песне Великого канона. Приведем соответствующие фрагменты этого текста:

«Извещаю ти, Спасе, все грехи, яже содеях, и души и тела моего язвы, яже внутрь убийственнии помыслы разбойнически на мя возложиша» (31–32); «Аще и согреших, Спасе, но вем, яко человеколюбец еси, наказуеши милостивно, и милосердвуеши тепле, слезяща зриши и притекаеши, яко Отец, призывая блуднаго» (32); «В разбойники впавый аз есмь, помышленьми моими, весь от них уязвихся ныне, и исполнихся ран, но Сам ми представ, Христе Спасе, исцели» (57); «Священник, мимо предвидев, мимо иде, и левит, виде в лютых, нага

²⁸ Полемика с этими распространенными в древнееврейском обществе взглядами на теодицею лежит в основе знаменитой Книги Иова, но, к сожалению, уроки этого позднего по времени создания ветхозаветного текста авраамические религии усвоили не слишком глубоко. См. *Аверинцев С.С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 1. М., 1983. С. 291–295.*

²⁹ См., напр.: Притча о добром самарянине: Истолкование притчи // Притчи Иисуса Христа: Истолкование. [Электронный ресурс]. URL: http://christianlife.ucoz.ru/publ/khristianskie_pritchi/pritcha_o_dobrom_samarjanine/2-1-0-2. Дата обращения 17.08.2013.

презре, но из Марии возсиявый Иисусе! Ты, представ, ущедри мя» (там же).

Создатель Великого канона свободно обошелся с этой евангельской притчей, как и с другими библейскими эпизодами, — все они не более чем материал для его усложненных риторических образов. Из первоисточника в канон перешли только отдельные фрагменты — нападение разбойников на путника и его бедственное положение, а также равнодушие к нему священника и левита. Главное действующее лицо притчи — добрый самарянин — и его великодушный поступок в тексте св. Андрея не упоминаются, их место по воле автора заняли Иисус Христос и Его милосердие, на которое уповает герой канона. В соответствии с христианской догматикой Андрей Критский сопрягает образы притчи о самарянине с мотивами ветхозаветного рассказа о грехопадении Адама и Евы, что от евангельского первоисточника этот фрагмент еще более отдаляет³⁰. Из-за несовершенства славянского перевода фраза «В разбойники впадый аз есмь помышленьми моими», а также словесный оборот «виде в лютых» звучали, по меньшей мере, двусмысленно. Наконец, «убийственные помыслы», т.е. намерения «разбойников» погубить героя канона, непосвященные слушатели с легкостью могли приписать ему самому³¹. Поскольку разбойник в

³⁰ К тому же в одной из строф канона (32) эта притча незаметно «перетекает» в историю блудного сына.

³¹ Показательно, что «разбойничьи» мотивы первой песни Великого канона полностью отсутствуют в ее поэтическом переложении, вошедшем в поэму А.Н. Апухтина «Год в монастыре», хотя в целом перевод довольно точен и сохраняет даже некоторые особенности поэтики оригинала (например, игру с тавтологией: «славой Он прославлен» и т.п.). Приведем соответствующий фрагмент поэмы:

Помощник, Покровитель мой!
Явился Он ко мне, и я от мук избавлен,
Он Бог мой, славой Он прославлен,
И вознесу Его я скорбною душой.
С чего начну свои оплакивать деянья,
Как положу начало для рыданья
О грешном пройденном пути?
Но, Милосердый, Ты меня прости!
Душа несчастная, как Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачем, зачем, коснувшись древа,
Вкусила ты безумного плода?
Адам достойно изгнан был из рая
За то, что заповедь одну не сохранил,

силу своего преступного ремесла был потенциально открыт всем смертным грехам, он идеально подходил на роль великого грешника, каким представлялся слушателям автор канона, наивно отождествленный ими с его героем. Поэтому «разбойничья тема» властно входит в новую «биографию» Андрея Критского. С образом разбойника в русском сознании издавна связывался целый комплекс идей³², многие из которых были использованы в сюжете апокрифической повести. Например, по устойчивым народным представлениям, грехи легендарных разбойников были столь велики, что священники обычно отказывали им в прощении; и этот отказ вызывал новое кровопролитие — убийство несговорчивых пастырей. Подобное преступление, да еще и троекратно повторенное, народная фантазия приписывает и ни в чем не повинному создателю Великого канона³³. В распространенной редакции «Повести об Андрее Критском» появляется также и ужасающий «разбойничий помысел» главного героя — его решение в случае отказа епископа в прощении бежать «ко царю во Орду» и, воздвигнув «рать великую», разорить с вражеским войском родной город (от осу-

А я какую кару заслужил,
Твои веленья вечно нарушая?
От юности моей погрязнул я в страстях,
Богатство растерял, как жадный расточитель,
Но не отринь меня, поверженного в прах,
Хоть при конце спаси меня, Спаситель!
Весь язвами и ранами покрыт,
Страдаю я невыносимо,
Увидевши меня, прошел священник мимо
И отвернулся набожный левит...
Но Ты, извлекший мир из тьмы могильной,
О, сжался надо мной! Мой близится конец...
Как сына блудного прими меня, Отец!
Спаси, спаси меня, Всесильный!

(*Анухтин А.Н.* Сочинения: Стихотворения. Проза. М., 1985. С. 91).

³² Разбойник — это универсальный знак преступления любой нравственной границы, олицетворение милой русскому сердцу дикой воли и пресловутой «безмерности» и т.д. и т.п. См.: *Климова М.Н.* Путь разбойника (из истории мифа о великом грешнике) // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 4: Интерпретация текста: сюжет и мотив. Новосибирск, 2001. С. 120–131.

³³ Дореволюционные исследователи «Повести», кроме того, возводили к легендам о разбойниках изощренно жестокий способ наказания матери-жены Андрея, хотя связь Великого канона с «разбойничьей темой» «Повести» осталась ими незамеченной.

ществления этого замысла героя спасли лишь Божье милосердие и прозорливость епископа)³⁴. Наконец, в материалах восточно-славянского фольклора, куда «Повесть», как и другие древнерусские обработки эдипова сюжета, ушла в виде легенды или сказки, обнаруживается логическое завершение этого процесса. Героем белорусской легенды «Андрей Критский» становится великий разбойник, убийца родителей и шести попов, который во время покаяния в глубоком погребке повторял лишь слова «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»³⁵. На первый взгляд банальная, эта фраза на деле возвращает нас к первоисточнику апокрифической биографии Критского архиепископа — Великому канону с тем же рефреном, вероятно наиболее запомнившимся сочинителям простонародной легенды.

Е.К. Ромодановская неоднократно обращала внимание на особую роль, которую играла выявленная ею жанровая разновидность древнерусской повести, повесть-притча, в процессе секуляризации литературы переходного периода и становлении ранней русской беллетристики³⁶. Отличительная особенность повести-притчи — концентрация ее действия вокруг некой библейской цитаты, вынесенной в завязку или заглавие, хотя для подтверждения заключенной в цитате вечной истины автор повести-притчи мог использовать самый разнообразный материал. (Классические образцы этой жанровой разновидности древнерусской повести — возникшая еще в XV в. «Повесть о старце, просившем руки царской дочери»³⁷ или детально изученная Е.К. Ромода-

³⁴ Этот мотив, плохо сочетающийся с местом действия «Повести», «градом Критом», был, вероятно, заимствован из истории другого великого грешника древнерусской литературы — беглого пресвитера Тимофея Владимирского. В одном из поздних списков Распространенной редакции это место было курьезно исправлено на «пойду ко царю Ироду».

³⁵ Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. С. 162–163.

³⁶ Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 73–87; *Она же*. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1984. С. 96–112; *Она же*. От цитаты к сюжету: Роль повести-притчи в становлении новой литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 66–76 и др.

³⁷ Образцовым можно назвать лишь текст древнейшей редакции «Повести», в то время как последующие обработки разрушают изначально присущие ей уравновешенность композиции и динамичность действия. См.: Демкова Н.С. «Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены»: принципы сюжетной организации текста в редакциях XV и XVII

новской «Повесть о царе Аггее»³⁸.) Псевдобиография Андрея Критского в этом контексте упоминалась лишь среди типологически близких повести-притче нарративных текстов о сбывшемся предсказании. Нам, впрочем, представляется, что это произведение интересно и как особый случай светского использования сакрального текста в литературе переходного периода. Скрытой основой сюжета «Повести» оказывается Великий канон, освященный для слушателей самим фактом его исполнения в церкви, что, впрочем, не помешало ее создателю вырывать из общего контекста и своеобразно переосмыслить отдельные его образы³⁹. Случай, вероятно, уникальный, однако то, что фантастическая «биография» Критского архиепископа с течением времени практически вытеснила из рукописных сборников его каноническое Житие, доказывает плодотворность пути, стихийно избранного ее автором, для процесса формирования ранней русской беллетристики.

веков // Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 95–103.

³⁸ См.: Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков.

³⁹ Даже эдипов сюжет в данном случае представляется вторичным источником, ибо его сюжетная схема была привлечена создателем «Повести» для описания нравственной метаморфозы, пережитой, по его мнению, автором Великого канона.